

гулятивных элементов является универсальным языковым явлением, выходящим за границы существования конкретных языков мира. Более того, именно когнитивный потенциал дискурсных маркеров является связующим звеном, объединяющим дискурсные маркеры разных языков с различным лингвистическим статусом в единый класс языковых единиц, функциональная направленность которого заключается в когнитивном регулировании хода дискурсивного взаимодействия. Вышесказанное также позволяет сделать вывод о том, что когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров, обладая свойством лингвистической универсальности, представляет собой основание для дальнейших исследований феномена дискурсных маркеров как неотъемлемого компонента любой языковой системы и может быть применена в качестве основания для сопоставительного анализа дискурсных маркеров различных языков мира по когнитивному основанию.

Литература

1. Гельпей, Е.А. Роль дискурсивных маркеров топикализации в прагматической связности диалогической речи / Е.А. Гельпей // Лингвистика: традиции и современность: Междунар. науч. конф. – Ростов н/Д., 2009. – С. 63 – 65.
2. Дубовский, Ю.А. Типология маркеров для анализа речевой просодии / Ю.А. Дубовский // Просодические

средства организации стилистически различных текстов в современном английском языке (Межвузовский сборник научных трудов). – М., 1985. – С. 131 – 140.

3. Каменский, М.В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров (на примере английского языка) / М.В. Каменский // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – Т. 1. – 2012. – № 3. – С. 148 – 156.

4. Каменский, М.В. Дискурсные маркеры в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы / М.В. Каменский // Acta Linguistica. Vol. 7. №. 2(2013). – Eurasia Academic Publishers, 2013. – P. 108 – 118.

5. Леденев, Ю.И. Неполнозначные слова в русском языке: Учебное пособие к спецкурсу / Ю.И. Леденев. – Ставрополь, 1988.

6. Правикова, Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы / Л.В. Правикова. – Пятигорск, 2004.

7. Розанова, Н.Н. Суперсегментная фонетика / Н.Н. Розанова // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.А. Земская. – М: Наука, 1983. – С. 5 – 79.

8. Твен, М. Приключения Тома Сойера. Повесть / М. Твен. – М., 2002.

9. Espinal, M.T. The presentation of disjunct / M.T. Espinal // Language, 1991. – V. 67. – P. 726 – 762.

10. Murdoch, I. The Green Knight / I. Murdoch. – N.Y., 1993.

11. Open American National Corpus. – URL: [http:// americannationalcorpus.org/OANC/index.html](http://americannationalcorpus.org/OANC/index.html)

УДК 111.112.2

Р.Х. Каримова

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА «ТРУД» В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье детальному исследованию на материале немецкого и русского языков подвергается лингвокультурный концепт «Труд». К исследованию привлекались идиомы и поговорки, характеризующие различное отношение к труду в картине мира немецкого и русского народов. Для исследования использовались данные двуязычных и одноязычных фразеологических словарей.

Концепт, идиома, поговорка, вербализация, картина мира, образная составляющая.

The linguocultural concept "labour" is considered in the article on the material of the German and Russian languages. The idioms and the proverbs concerning labour in the world view of German and Russian people are analyzed in the research. The information from bilingual and monolingual dictionaries is used in our research.

Concept, idiom, proverb, verbalization, world view, image component.

Изучение лингвокультурных концептов в последние десятилетия находится под пристальным вниманием многих лингвистов. Теоретические и практические аспекты исследования данных концептов отражены в монографиях, научных статьях, научно-практических конференциях различного уровня.

Анализируемый нами концепт «Труд» представляется исследователями как «культурно отмеченный вербализованный смысл» [4, с. 29]. В.Н. Телия выдвинула гипотезу о воплощении культурной коннотации в содержании языкового знака: если единицы

языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы отображения и средства соотнесения с ней, т.е. служить своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака» – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологизмы и т.п. – знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом-носителем языка [14, с. 215].

По мнению С.Г. Воркачева, концепт – зонтичный термин, покрывающий предметные области не-

скольких научных направлений, к которым автор относит лингвокогнитологию и лингвокультурологию [5, с. 7]. Среди современных исследователей продолжаются споры о природе и сущности концепта. Мы в данном исследовании придерживаемся рабочего определения, данного С.Г. Воркачевым: концепт – «это сложное (многомерное и признаковое) ментальное образование (смысл), отмеченное культурной спецификой и имеющее имя (выражение в языке)» [5, с. 8].

По справедливому утверждению Ю.С. Степанова, основоположника российской лингвоконцептологии, поскольку «концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох, то с самого начала следует допустить, что и метод окажется не одним, а совокупностью нескольких различных методов» [12, с. 48]. Данное утверждение позволяет нам предположить, что идиомы и паремии являются «осадком» культурной жизни народа, так как в них заключена народная мудрость, изучение и следование которой позволяет описать фрагмент «наивной» картины мира.

«Концепты существуют по-разному в разных слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [12, с. 6]. Концепты имеют сложную структуру. Именно эта многомерность концепта не позволяет классифицировать лингвокультурные концепты на основе какого-то единого классификационного признака. Н.Д. Арутюнова выделяет по степени абстрагированности лингвокультурные концепты предельного уровня, представляющие собой обыденные аналоги мировоззренческих терминов [2, с. 617] – абеляровских смыслов, «возникающих в душе говорящего и направленных на душу слушающего» [1, с. 84], которые соответствуют современным мировоззренческим универсалиям, организующим в целостную систему сущностные ценности культуры [13, с. 343].

По мнению В.С. Степина, образование культурно-носных языковых знаков связано с выделением в среде бытования жизненно важных точек, которые служат основой категоризации и концептуализации окружающего мира. Концепт «Труд» представляется нам ключевым в миропонимании и шкале ценностей народа-носителя языка. Эти ценности, как утверждает В.С. Степин, «обеспечивают понимание мира человеком и представляют своего рода «геном социальной жизни»» [13, с. 63].

К универсалиям духовной культуры Н.Д. Арутюнова относит такие концепты, как «справедливость», «свобода», «истина», «красота», «судьба», «душа» и др. Исследуемый нами концепт «Труд», по мнению Н.Д. Арутюновой, относится к универсалиям духовной культуры, которые по признаку ненаблюдаемости причисляются автором к абстракциям среднего уровня [2, с. 617].

Дискурсивно-когнитивный анализ процессов оязыкования объектов культуры свидетельствует о том, что национально-языковое сознание формирует глубинные слои картины мира, причем средствами

разных языков по-разному моделируется окружающий мир, создаются оригинальные модели конкретных национальных культур [3, с. 43].

Картина мира в сознании человека, владеющего кроме родного иностранным языком, представляет собой мозаику из языковых картин, отражающих результаты познания окружающего мира в разных языках. В этом плане сознание билингва напоминает компьютер с двумя входами. Доминирующей является картина мира родного языка, на которую накладывается опыт освоения действительности в ходе познавательной деятельности языковой личности. В процессе усвоения каждого следующего языка концептосфера языковой личности расширяется, дополняя ее новыми элементами и обогащая познавательный опыт субъекта-носителя языка. Описание картины мира посредством концепта как ментальной единицы открывает широкие перспективы видения языка во всех его многообразных связях с человеком, его интеллектом и разумом, всеми мыслительными и познавательными процессами и с теми механизмами и структурами, которые лежат в их основе [18, с. 34].

Г.Г. Слышкин, подчеркивая посредническую роль сознания между культурой и языком, определяет концепт как единицу, призванную «связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминруется культурой и опредмечивается в языке» [10, с. 9]. Итак, целью нашей статьи является попытка системного описания ценностной составляющей в содержании концепта «Труд» на материале немецкого и русского языков.

Согласно данным историко-этимологического словаря современного русского языка [17, с. 92], древнерусское *работа, робота* (с XI в.) имело следующие значения: 1) «рабство», «неволя»; 2) «служение», 3) «работа», «труд», отсюда *работать* – 1) «находиться в рабстве»; 2) «служить» 3) «трудиться». С течением времени (после XVII в.) слово *работа* получило в русском языке постоянную форму с *a* после *p* и устойчивое значение «трудовая деятельность», «труд», оно образовано от корня **orb* с помощью суффикса –*ot-a*. В сознании носителя русского языка труд воспринимается как тяжелая утомительная болезнь, ср. русск.: *От работы и лошади дохнут; От трудов своих не будешь богат, а будешь горбат*.

Отметим, что происхождение концепта «Труд» возвращает нас к теме мученичества, ср. и.-евр. *treud* «давить, тискать, мять, мучить, томить, утомлять» – все от и.-евр. *ter* «тереть» [15, с. 704].

До верхненемецкого периода слово *Arbeit* означало «тяжелое физическое напряжение, тягостный труд, хлопоты» (ср. происхождение слова «работа», «робота» со значением «рабство, неволя, мучение, труд») [17, с. 92].

В.И. Карасик выделяет в структуре языковой личности ценностный, познавательный и поведенческий планы (автор вводит термин «коммуникативная личность»). По мнению ученого, ценностный план коммуникативной личности содержит этические и

утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период [7, с. 22]. На наш взгляд, такие нормы поведения заложены в паремиологическом фонде языка и в фольклоре, в которых, как в зеркале, отражается мировосприятие людей, объединенных культурой и языком. В сказках раскрывается то, что тщательно скрывается в жизни. Так, у русского народа появились сказки о «молочных реках и кисельных берегах», где стоит «бык печеный», «летают жареные голуби» (ср. в немецком языке: *die gebratenen Tauben fliegen niemandem ins Maul*). В немецких сказках появляется страна Шлаурафландия (нвнем. *Schlauraffe* – свнем. *Sluraffe*, составное от *slur* “Faulenzer” – “лентяй”).

Концепт «Труд» обладает высокой номинативной плотностью. Языковые единицы, объективирующие данный концепт, формируют широкое лексико-фразеологическое поле, ядром которого являются фреймы, вербализованные в таких признаках, как «предаваться безделью», «работать плохо», «работать плохо, кое-как», «бесполезный труд» и др. Рассмотрим наиболее частотные признаки подробнее.

Описание откровенного безделья осуществляется в немецком языке посредством следующих идиом: *etw. aus dem Ärmel schütteln* (букв. вытряхивать из рукава), *den Handwurst spielen* (валять дурака), *einen faulen Schelm in Rücken haben*, *faules Fleisch tragen*, *den Herrgott den Tag stehlen* (букв. украсть у бога день), *blauen Montag machen*, *Däumchen drehen*.

В образном основании приведенных выше фразеологизмов отражена яркая национальная специфика, ср. *Hanswurst* – персонаж немецкого кукольного театра, напоминающего нашего Петрушку, обычай покрывать в дни карнавала кирхи голубым сукном отражен во ФЕ: *blauen Montag machen*. Часто используется в составе ФЕ соматизм *Däumchen*, обозначающий большой палец на руке, вращение которым равнозначно позе, не позволяющей ничего делать.

Фрейм «бездельничать» объективируется в немецком языке целым рядом фразеологизмов, которые в основном связаны с описанием стереотипных поз, указывающих на отсутствие деятельности; ср. нем. *keinen Finger krumm machen*, *die Beine unter den Tisch stecken*, *die Hände in die Taschen legen*, *auf dem Rücken liegen*. В образном основании перечисленных идиом лежат представления о стереотипных позах, выражаемых в русских идиомах: *не пошевелишь и пальцем*, *держат руки в карманах*, *лежат на спине*.

В составе фрейма «бездельничать» наиболее богато репрезентирован признак «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью». Ср.: нем. *Schnee im Ofen backen*, *den Bock melken*, *Äpfel braten*, *Holz in den Wald tragen*, *einen Raben waschen*, *Sägmehl knüpfen*, *Salz ins Meer tragen*, *den Sand pflügen*, *ins Blaue schießen*, русск.: *трепать языком* (разг.), *мартышкин труд*, *толочь воду в ступе* (разг.), *носить воду решетом* (разг.), *мышинная возня*, *считать звезды* (книжн.), *считать мух* (ворон, собак) (устар., пренебр.), *небо коптить*, *чесать затылок* (прост.),

ковырять в носу (прост.) (всего 21 ФЕ). В основе оценки данных ФЕ лежит установка, что недостойно человека заниматься деятельностью, не приводящей к результату.

Среди средств семиотизации, объективирующих концепт «Труд», можно назвать, на наш взгляд, фитонимы, зоонимы, онимы, которые можно рассматривать в составе идиом и паремий в качестве ядра концептуальных метафор. Наиболее богато структурированы признаки: «предаваться безделью», «меньше слов, больше дела», «не следует браться за несколько дел одновременно», «в труде необходимо постоянство», «работать небрежно, кое-как», «работу нужно выполнять своевременно», «для получения результата необходимо приложить усилия» и др.

На наш взгляд, самую многочисленную группу ФЕ, вербализующих концепт «Труд» в русском языке, составляют фразеологизмы, объективирующие признак «праздно проводить время»; ср. *сидеть на печи* (руг., пренебр.), *сидеть сложа руки*, *гранить мостовую* (устар.), *плевать в потолок*, *парить бока* (прост., предосуд.), *околачивать груши* (прост., ирон.), *гонять ветер* (презр.), *гонять лодыря* (прост., пориц.), *лощить бульвары* (устар.), *валять дурака* и др. (34 ФЕ). К концептуальным признакам, репрезентирующим положительную оценку труда, считаем целесообразным отнести следующие: «работать усердно», «работать с напряжением сил»; ср. (1): *разбиваться в лепешку* (прост.), *из кожи лезть* (вылезать), *высунув язык*, *засучив рукава*, *зарабатывать свой хлеб в поте лица*, *не покладая рук*, *не разгибая спины*; (2): *до седьмого пота*, *гнуть горб* (спину, хребет) (разг., экспресс.), *тянуть лямку* (ярмо, воз) (разг.), *надрывать пуп* (кишки) (прост., экспресс.), *ломать горшку*, *ломать хрип* (прост., экспресс.), *руки отваливаются* (разг., экспресс.) (40 ФЕ).

Наибольшую ценность для нашего исследования представляют паремии, в которых отражена широкая картина жизни народа. Паремии передают представления о взглядах народа, его понимании действительности. В пословицах типизируются образы представителей различных социальных слоев: рабочего, крестьянина, ремесленника, попа, барина, судьи.

Наиболее образные признаки описываются с помощью фитонимов, зоонимов, коннотативных онимов и др. Богато репрезентированы признаки: «жить за счет чужого труда», «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью», «тяжелый физический труд», «работать кое-как, небрежно», «предаваться безделью» и другие, ср.:

1) «заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью»: русск. *из козла молока нечего доить*; *в дождь избу не кроют, а в ведро и сама не каплет*; нем. *Schnee im Ofen backen*, *Wasser in den Rhein tragen*, *den Bock melken*, *Mäuse schwänzen*;

2) «предаваться безделью»: *просил осетр дождя, в поле лежа*; *ленивому Микишке все не до книжки*; *урвал веку, на печи лёжа*; *за обедом соловей, а после обеда воробей*; нем. *ein schlafender Fuchs fängt kein Huhn*.

3) «работать кое-как, небрежно»: русск. *мельник не бездельник, хоть дела нет, а топор из рук не идет; худой кляче и хвост в тягость*; нем. *Hans Ungeschick hat selten Glück; je schwerer die Kunst, je mehr Pfüsher*;

4) «тяжелый физический труд»: русск. *вола в гости зовут не мед пить, а воду возить; до солнца пройди три покоса – ходить будешь босо*; нем. *hartes Holz bohren, eigener Fleiß macht den Schornstein rauchen, sich Schwielen an die Hände arbeiten*,

5) «пользоваться результатами чужого труда»: русск. *Ипат наделал лопат, а Федос продавать по-вез; делателю полтина, а нарядчику рубль; дешева рыба на чужом блюде*; нем. *aus fremder Haut ist gut Riemen schneiden, auf fremder Weide ist immer das fetteste Vieh, die dümmsten Bauern haben die die dicksten Kartoffeln; der eine hat Mühe, der andere die Brühe, vom fremdem Schweiß riecht niemand*;

6) «работа требует усилий»: русск. *бобы – не грибы: не посеяв, не выйдут; земля – тарелка; что положишь, то и возьмешь; не поклонись грибу до земли, не поднять его в кузов*; нем. *süßig getrunken-sauer bezahlt; wer Brot will, darf den Schweiß nicht scheuen; Geduld und Fleiß erringt den Preis; ohne Fleiß kein Preis*.

Лексемы, объективирующие названные признаки, отражают идиотническую специфику концепта. В отобранном нами эмпирическом материале наиболее частотными являются зоонимы: *Huhn, Wolf, Fuchs, Bock, козел, соловей, осетр, воробей*; устаревшие слова и формы: *вёдро, делатель, нарядчик*; онимы: *Ипат, Федос, Микушка*; обозначения инструментов и профессий, связанных с тяжелым трудом: русск. *пот*, нем. *Schweiß, Fleiß, Geduld* (мельник, лопата, коса).

Применив разработанную Л.О. Чернейко методику определения гештальтов абстрактных имен, можно выделить в составе концепта «Труд» следующие «гештальтные образования»:

1. Персонификация: работа – учитель, кормилец: русск. *Дело не малина – и в зиму не опадет; Работа не медведь: дает и поглядеть*; нем. *Arbeit ist kein Falke, fliegt nicht in den Wald; das Werk lobt den Meister; die Arbeit ist des Lebenswurzel*.

2. «Овеществление» – дрова, гортань, растения, части тела, дни недели: русск. *Без работы и печь холодна; Гортань приемлет всего лета труд; морошка любит ножки, а грибки любят глазки*; нем. *des Herrn Auge macht das Vieh fett; der Morgen sorgt, der Abend verzehrt*.

Выполненное нами исследование позволяет заключить следующее:

1. Образная составляющая любого лингвокультурного концепта представляет собой интереснейший материал для исследования.

2. Выявленные признаки в виде ценностных установок могут составить культурный сценарий концепта «Труд», базовый слой которого представляется сходным в исследуемых языках.

3. Культурный сценарий концепта «Труд», на наш взгляд, может включать следующие ценностные установки:

- 1) следует работать добросовестно;
- 2) нельзя относиться к работе небрежно, халатно;
- 3) лень повсеместно осуждается;
- 4) не следует заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью;
- 5) любую работу следует делать вовремя;
- 6) недостойно пользоваться результатами чужого труда;
- 7) любая работа требует усилий и др.

4. План содержания исследуемых ФЕ и паремий представляется сходным. Различия и культурно-национальная специфика проявляются в плане выражения, что объясняется различиями в грамматическом строе и синтаксисе исследуемых языков.

5. Результаты исследования не являются конечными, поскольку к анализу привлекается языковой материал из диалектных словарей, словарей жаргона, разговорного языка исследуемых языков, вышедших в свет в последние несколько лет.

Литература

1. Абеляр, П. Теологические трактаты / П. Абеляр. – М., 1995.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1998.
3. Алефиренко, Н.А. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.А. Алефиренко. – М., 2002.
4. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный феномен / С.Г. Воркачев. – М., 2004.
5. Воркачев, С.Г. Лингвокультурная концептология: состояние, проблемы, вектор развития / С.Г. Воркачев // Язык. Коммуникация и социальная среда. Вып. 8. – Воронеж. – 2010. – С. 6 – 22.
6. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 2000.
7. Карасик, В.Н. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.Н. Карасик. – М., 2004.
8. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34 – 36.
9. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э. Бинович; отв. ред. Н.С. Чегодамов. – М., 1956.
10. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и культуре / Г.Г. Слышкин. – М., 2000.
11. Старая пословица недаром молвится. – СПб., 2007.
12. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2004. – С. 43 – 67.
13. Степин, В.С. Важно, чтобы работа не прекращалась / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2004. – № 9.
14. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
15. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В.Н. Топоров. – М., 1995.
16. Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактных имен / Л.О. Чернейко. – М., 1997.
17. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. – М., 1999.
18. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – М., 2001.